

Гадала цыганка

Где-то далеко-далеко на западе гремела война, а здесь, в Сибири, почти в центре Азии, на берегах могучего Енисея, всё было мирно и тихо. Холодный ветер рвал с деревьев последние жёлтые листья, студёные свинцовые воды реки жадно облизывали мокрые доски хлипкого причала. Всё это — холод, наступающая зима — окончательно портило и так-то невесёлое настроение троих друзей. Они возвращались из Абакана, из военкомата, где вечно замотанный делами военком в который уже раз категорически им отказал в отправке на фронт. Кроме того, напоследок он и вовсе их огорошил сообщением, что на фронт они, даже если им и стукнет по восемнадцать, всё равно не попадут, а как призывники, имеющие среднее образование, поедут учиться на офицеров. Так прямо и сказал:

— Военные училища плачут по вам... А пока — работайте... Придёт время — вызовем!

Они были молоды, рвались воевать и поэтому, дожидаясь парома и греясь у чахлого костерка, долго строили планы достижения цели — бить ненавистного врага. Вскоре, однако, подошёл паром, и они отправились в путь через неоглядную ширь Енисея домой, на правый берег. Паром был почти пуст. Парочка колхозных телег с лошадьми, «эмка» с каким-то важным чином и старая-старая цыганка с выводком шумных светлых ребятишек — вот и все пассажиры. Вскоре непогода загнала всех под хлипкий дощатый навес в самом углу парома. Один лишь чин так и не вылез из своей легковушки. Через некоторое время цыганка, немного утомив своих шалопаев, сказала, обращаясь к троице друзей:

— А давайте-ка, красивые, я вам погадаю... Какая кому дорога выпадет, как судьба ваша ляжет. Всё скажу, всё растолкую!

Ребята — комсомольцы, атеисты — похмыкали, покрутили носами и гордо отказались! Вот ещё! Однако цыганка не отставала, и вскоре один из них — ну, назовём его Сашей — несмело протянул руку. Цыганка долго-долго изучала ладонь, низко

М. Ф. Величко

склоняясь над ней и чуть не царапая её своим крючковатым носом, а потом, выпрямившись, сказала:

— Непонятная у тебя судьба... опасность грозит тебе по дороге на фронт... Если не погрёшь — большим начальником станешь... большим военным!

Саша, криво усмехаясь, отошёл в сторону, а к цыганке смело втиснулся отчаянный и озорной Петро, сам обличем похожий на цыгана:

— Ну-ка, бабка, нагадай-ка мне счастья...

Цыганка снова уткнулась в ладонь парня.

— А не будет тебе счастья... застрелят тебя на войне,— брякнула старуха и отпустила руку парня.

Петро же, не огорчившись, весело сверкнув белыми зубами, сказал:

— Врёшь ты всё, старая! Мы — бессмертные, разве не знаешь?

Последним к гадалке подошёл Миша — самый молодой из троицы. Ему семнадцать должно было исполниться только через две недели. Бабка изучала Мишину ладонь значительно дольше, чем у других. Разглядывала её и так, и сяк, зачем-то даже заголила руку до самого локтя. Потом, пытливо уставясь ему прямо в глаза, сказала:

— Вот у тебя, красивый, всё будет хорошо. Жить ты будешь долго, станешь известным человеком, много стран повидаешь... и не умрёшь, пока семьдесят лет не проживёшь! Везучий ты, парень, везучий...

Через три-четыре месяца судьба навсегда раскидала одноклассников. Папу самого первого призвали в армию. Он поехал учиться в Ачинск, где тогда дислоцировалось Киевское пехотное училище. О судьбе своих товарищей он не знал ничего до 1948 года. И только когда после многочисленных госпиталей он приехал в родное село, узнал, что Саша умер от тифа где-то в поезде, ещё по дороге на фронт. Петро погиб в Карпатах в начале 1945 года. Он к тому времени уже был майором, начальником штаба полка... Всё в результате случилось именно так, как и предсказала старая гадалка.

С этими самыми предсказаниями папа и жил спокойно до семидесяти лет, абсолютно о них не вспоминая, пока не приключилась у него болезнь — прогрессирующая катаракта. Папа стал катастрофически слепнуть. И как мы ни предлагали ему ложиться на операцию, получали категорический отказ! Мол, нет, и всё! В конце концов всё-таки уговорили. Папу благополучно прооперировали. И только потом, придя домой, он мне и рассказал эту историю о предсказаниях. Ведь он тогда так и решил, что до предсказанного цыганкой возраста он дожил, а из больницы уже не выйдет — не судьба. Ведь остальные-то предсказания сбылись, значит, всё правда, теперь его черёд настал! И только много позже, когда и семьдесят пять, и восемьдесят отметил, стал опять говорить, что все предсказания — чушь на постном масле, брехня! А вы как думаете?

Встреча с наркомом

Случилась эта история в 1944 году. Командование, прознав, что выпускник Киевского пехотного училища — мой папа — довольно неплохо владеет немецким языком, спешно направило его в Москву, на курсы военных переводчиков. А там, выяснив, что он, кроме того, знает ещё и английский (правда, похуже), сразу же перевели на учёбу в заведение, напрямую связанное с МИДом. В стенах сего учреждения у него и состоялась незабываемая встреча с всесильным наркомом крайне специфического наркомата. Дело было так. Шёл как-то по коридору этого самого учреждения — молодой девятнадцатилетний лейтенант — и вдруг видит, как в коридор с лестницы брызнула чья-то охрана. Папа остановился и слышит чей-то быстрый шепоток: «Берия, Берия...»

— Ну,— рассказывал папа,— я вытянулся, как и все, встал по стойке «смирно» и вижу, как в коридор выходит невысокий человек в знаменитом пенсне. И в этот самый момент,— вспоминал папа,— я весь помертвел...

Это он вспомнил, что в кармане его галифе лежит трофейный дамский «вальтер», привезённый им ещё из армии. Уж больно хорош тот был: маленький, удобный, инкрустированный серебром,— короче, вещь, редкая по красоте. Вот папа и не удержался, таскал его с собой! И дотаскался... ибо у него тут же мелькнула мысль: «Всё, конец, щас повяжут... попытка покушения... расстрел...» Он вспомнил, как простые, но опытные смершевцы и то с полувзгляда под одеждой оружие видели у любого человека, а здесь сам Берия! Его такие волкодавы охраняют!!! Всё, конец!!!

Ну а Л. П. Берия идёт себе спокойненько и в ус не дуёт! А чё бы ему дуть-то? Вот уже он к папе подходит.

— А я,— вспоминал папа,— ни жив ни мёртв стою и не то что не дышу, а, кажется, даже и не думаю! В ступоре полном!!! Жизнь-то кончилась!!!

Вдруг Л. П. Берия, проходя мимо, почему-то останавливается и, обращаясь к папе, спрашивает: «Ви кто? Фамылия?» Ну, папа ответил. «Гдэ слюжишь?» Папа снова на полном автомате отпартовал. «Какие языки?» Папа опять что-то сказал. «Маладэц»,— сказал всеильный Л. П. Берия, повернулся и пошёл дальше.

Как вышел из МИДа, как пришёл к Москва-реке, папа не запомнил. Просто обнаружил себя уже стоящим у парапета и украдкой разбиравшим этот злосчастный «вальтерок»... Разобрал и покидал подальше в реку, и только потом обнаружил, что на нём всё мокрое — не только нижнее бельё, но и гимнастёрка с брюками...

Вот такая незабываемая встреча состоялась у папы в Москве поздней осенью 1944 года.

Туберкулёз

После капитуляции фашистской Германии папа ещё почти три года служил переводчиком в одном из гарнизонов на севере страны, в маленьком городке Марлов, что возле Ростка. Кстати, все эти названия городков — исконно славянские. Марлов — от слова «марал», а их, маралов, там уже тысячу лет не видели. Вот ещё когда там жили славяне! Кстати, и Кёнигсберг — это славянский Крулевец (Кролевец) Оба названия обозначают город как «королевский»! Так же и другие города.

Росток — от слова «ростока», то есть то место, где река растекается на множество рукавов, место у устья реки. Ещё там есть рядышком город Шверин — от славянского «зверь» (Зверин).

Служил отец там до 1948 года, пока тяжело не заболел — обнаружился у него туберкулёз. Это заболевание и сейчас-то не так уж просто излечивается, а тогда, после войны, в доантибиотиковую эру? В общем, грустное, мягко говоря, положение. Ну, соответственно, положили его обследоваться и лечиться в советский военный госпиталь. Лежал он там, лечился и ждал окончательного решения своей судьбы. Обследовали его, обследовали и в конце концов для установления окончательного диагноза пригласили на консультацию немецких врачей — светил фтизиатрии тех лет. И вот в ходе осмотра большого русского офицера эти два дойча-профессора, не зная, что тот хорошо говорит и понимает по-немецки, говорят, что вот, мол, какая тяжёлая форма туберкулёза у этого парня, что ему остаётся жить от силы полгода, ну, месяцев восемь, и так далее в том же духе. Послушал их папа, послушал и обложил всех по матери с последующим переводом на немецкий, чтоб они лучше поняли! Тогда один из этих профессоров смущённо прокашлялся, присел рядышком и, помолчав, сказал:

— Знаете, всё, что мы с коллегой говорили, — правда! Пусть горькая, тяжёлая для вас, но правда. Однако, герр лейтенант, всё в ваших руках! Если не смиритесь, не опустите руки, будете бороться — выздоровеете. Наш вам совет: езжайте на свою родину! Туда, где вы родились, где выросли, где впервые увидели солнце. Там вы поправитесь! Обязательно поправитесь! Только воздух родины вам поможет! Если сами сильно захотите жить — будете жить, если будете бороться — выздоровеете!

И, говорил мне папа, взяло его тогда такое зло, что эти два недобитых фашиста его, сибиряка, хоронят, что сказал им мысленно: накося выкуси! Назло вам выживу! Потом сел, написал стихотворение, посвящённое своим друзьям:

Хотел бы с вами я, друзья,
Ещё разок побыть.
На свете мало, знаю я,
Мне остаётся жить...
Со всеми вами за столом
Ещё раз посидеть,
Поговорить бы о былом
И нашу песню спеть.

А выпив, по Москве пройти,
Забывши время нужд,
И в баре вспомнить по пути
Весёлый «Moulin Rouge».
Как далеко забросил рок
Меня, друзья, от вас.
Я вспомнил здесь не раз Росток
И вас, друзья, не раз.
О, если б можно время вспять
Идти заставить вдруг,
Увидеть за столом опять
Друзей весёлый круг.
Порядком выпить, как всегда,
И в карты поиграть,
Поспорить, пошутить. Тогда...
Согласен умирать!

Потом попрощался и уехал на родной Енисей. Там он взялся лечиться сам: купаться осенью и зимой, бегать по десять-пятнадцать километров то на лыжах, то просто бегом, изнуря себя запредельными физическими нагрузками. Потом баня, парилка, ледяная вода, какие-то народные бабушкины средства... Так прошёл год. Процесс в лёгких стал загасать, ну и всё, папа выздоровел. Потом долго писал письма одному из этих немецких профессоров, рассказывая о том, что он выздоровел, и благодарил за те слова, которые вызвали такую его реакцию.

Божественная тайга

А этот короткий рассказ — о случае, свидетелем которого был я сам. Случилось сие летом то ли шестьдесят пятого, то ли шестьдесят шестого года.

Мы, трое друзей-одноклассников, знакомых с раннего детства, под присмотром и руководством папы сплавлялись на самодельном плоту по таёжной реке. Прошло уже несколько дней сплава, установился определённый распорядок дня, и вот как-то поздним вечером, поужинав, мы под лесной нескончаемый чай и гитару принялись распевать свои дворовые блатные песни. И про ту гавань, куда заходили корабли, и про ереванское небо, и много-много других. Папа в сторонке занимался чем-то своим. Вдруг, воспользовавшись возникшей паузой, он нам и говорит: — А давайте-ка, ребятки, я вам лучше стихи почитаю!

Мы, конечно, вежливо согласились, а папа помолчал, откашлялся и начал наизусть декламировать:

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу...

Он читал «Божественную комедию». Читал немного нараспев, слегка раскачиваясь и закрыв глаза. Но главное не это! Главное — то, что он читал её на итальянском!!! Родном языке Данте. Я уже не помню, всю ли её он нам прочёл или только отрывки. Не помню отчётливо. Кое-что он дублировал на русском. Читал долго. Мы заворожённо, открыв рты, слушали. Представьте: ночь, костёр, шум ветра в вершинах могучих елей, чуть слышимый плеск воды — и плавная, музыкальная итальянская речь над просторами сибирской тайги. И... звёзды!

Это одно из самых ярких и глубоких воспоминаний о нашей пацаньей жизни вообще и о моём папе в частности. После таких стихов блатные песни петься перестали. В последующие вечера мы пели что-то из Есенина, песни военных лет, русские романсы. Вот такое очень необычное и своеобразное знакомство с Великой литературой посреди Великой тайги случилось в нашей жизни.

Коктейль счастья

В 1968 году выпала папе дальняя дорога — командировка в Москву, на учёбу. Ну, проводили мы его, он помахал нам с мамой белым крылышком самолёта Ил-18 и отбыл. Мы же отправились домой — ждать телеграмму о благополучном прибытии папы в столицу. Всё как обычно...

На следующий день мы телеграммы так и не дождались, а ещё через день в газете «Известия», на последней странице, внизу, мы с ужасом прочли ма-а-аленькое такое неброское объявление, гласившее о том, что такого-то числа, после вылета из аэропорта Челябинска, потерпел аварию пассажирский самолёт Ил-18. И указан номер злосчастливого рейса — того, которым папа и летел!!! Представьте наше состояние! Да вдобавок ещё и телеграммы нет... Мы с мамой подхватились и помчались в управление ГВФ Красноярска. Там нас долго мурыжили — часа три, не меньше, а потом сообщили, что среди погибших в катастрофе человек с такой фамилией не значится! Мы слегка успокоились и поехали домой, недоумевая: а куда же в таком случае подевался наш папа? Ну а по приезде всё окончательно

пришло в норму: соседка вручила нам телеграмму, доставленную в наше отсутствие. В ней папа сообщал, что он долетел благополучно, устроился, что всё нормально! Камень с души свалился окончательно, а все недоумения остались позади. Через пару дней папа и сам позвонил, при этом невнятно, как бы промежду прочим, обмолвился, что опоздал на самолёт в Челябинске и что вот, мол, как ему повезло... Правду же об этом вояже мы узнали несколько позднее, по возвращении папы из Москвы.

Дело обстояло так. Самолёт, на котором папа перемещался по воздушному пространству страны, совершил посадку на дозаправку в Челябинске, совсем ненадолго. Они с полчаса посидели в самолёте, а потом всех пассажиров выгнали в аэропорт, сообщив, что по метеоусловиям вылет откладывается на два часа. А в городе этом, надо сказать, проживал младший мамин брат. Папа, понятное дело, позвонил ему, и тот с приятелем быстренько подкатил на легковушке, прихватив с собой некоторое количество приветственно-горячительных напитков. Встречу, как водится, слегка обмыли. Потом в ресторане аэропорта немножко добавили, а когда объявили, что вылет откладывается до утра, поехали к Василию — так брата звали — домой. Там они тоже солидненько «приняли на грудь» и утром, соответственно, к рейсу слегка опоздали. Автобус с пассажирами уже укатил к самолёту! Папа, будучи слегка подшофе, давай требовать, чтоб его пустили в самолёт. Получив отказ, он не растерялся! За углом вывернул свою стильную куртку наизнанку и превратился в иностранца в фасонистой клетчатой куртке. Далее у стойки регистрации билетов он давай громко, на трёх языках, доказывать, что «он есть французски комьюнист, член французски компартия, что он есть лично знаком с Морис Торез, что ему надо срочно в Москау, что он воеваль с фашист...» — это единственная святая правда из всей тирады — ну и так далее... Однако порядок, как ни странно, победил: мнимого иностранца в самолёт так и не пустили, и он остался жив.

Вот такой случай — коктейль из выпивки и аэропортового порядка — спас папу в 1968 году от... несчастья.